С.Н. КАРАМЫШЕВА
(Иркутск)

ДИСПУТ КАК МЕТОД ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ КОЛЛЕГИИ (КОНЕЦ XVII – НАЧАЛО XVIII в.): ИСТОРИКО-ДИДАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

На основе доступного автору историко-фактажного материала проведена и представлена реконструкция системы учебных и публичных диспутов как основного метода обучения в Киево-Могилянской коллегии. Определена их структура, цели и методика проведения, выявлены причины, по которым система учебных диспутов не получила широкого распространения в Московском государстве. Все даты даны по старому стилю, а цитаты приведены в орфографии источников.

Ключевые слова: *диспут как метод обучения, учебный диспут, публичный диспут, Киево-Могилянская коллегия.*

Объективное рассмотрение факта появления, универсализации и распространения дискуссионных форм обучения невозможно не только вне связи с процессом формирования и развития российской системы образования, но и вне контекста целого ряда исторических событий. Причем событий настолько хронологически плотных и мультипликативно значимых, что отголоски их последствий для истории отечественной педагогики сохраняли свою актуальность вплоть до начала XX в. Как свидетельство – обширнейший корпус исследований по данной тематике, сформировавшийся в результате острейшей полемики между приверженцами западноевропейских образовательных традиций и сторонниками развития автохтонных принципов в системе народного просвещения.

Первой исторически значимой датой в ряду указанных событий, бесспорно, является 6 мая 1686 г., когда был подписан Львовский договор о «вечном мире» между Речью Посполитой и Русским царством. По этому договору польский король Ян III Собеский отказывался от своих притязаний на Киев и части территорий Правобережной Малороссии, а чуть позже и Константинопольский патриарх Дионисий изъявил полное согласие на отказ от своего ставропигиального права на Киевскую митрополию в пользу Московского патриарха, о чем уведомил в соответствующих грамотах, отправленных им 9 мая 1686 г. на имя Московских государей Иоанна и Петра, а также Московскому патриарху Иоакиму. При этом единственным условием, которое выставлял патриарх Дионисий, было то, чтобы Киевский митрополит, переходивший в подчинение Московскому патриарху, в литургии поминал: «во первыхъ, имя святѣйшаго патріарха Вселенскаго, яко верховнаговсѣх правителя и всякаго блага виновника, а потомъ имя патріарха Московскаго, яко старца своего» [10, с. 150]. Таким образом, Московский патриарх Иоаким, считавший Киевскую митрополию пораженной «латинским суемудрием», обретал полное право обустройства в ней дел в соответствии с твердыми правилами истинной православной веры. В этом его поддерживал и Иерусалимский патриарх Досифей, который признавал Киевскую митрополию «правдивою и истинною, но по прежнему видѣл въ ней отступленіе отъ праотеческихъ уставовъ» [Там же]. При этом оба сходились на том, что виной всему была Киево-Могилянская коллегия, откуда исходили «всѣ книги кіевскія новомудрыя», а также же занимавшая «своихъ воспитанниковъ диспутаціями, спорами, которые развивали въ нихъ нетерпимость къ латинскому міру и знакомили ихъ съ этимъ міром, пріучая равнодушно смотрѣть на уклоненіе отъ православія и на заимствованія отъ латинянъ» [6, с.128].

Действительно, диспут в двух старших классах – философском и богословском – Киево-Могилянской коллегии с 40-х гг. XVII в. до 70-х гг. XVIII в. являлся основным методом обучения. С этой целью наставниками коллегии была освоена и активно применялась специализированная номинативно-объяснительная система учебных диспутов, которая была разработана еще в XVI в. орденом иезуитов для своих учебных заведений и состояла из:

а) домашних, или начальных, диспутов (initialis), предназначенных для внеучебной практики студентов и отработки ими навыков ведения состязательного спора;

б) субботних диспутов (sabbativae), проводившихся в конце каждой учебной недели, где разбирались наиболее значимые утверждения pro et contra в отношении основных для изуча-

© Карамышева С.Н., 2017

емой темы дефиниций или богословских понятий;

в) ежемесячных диспутов (menstruae), проводившихся с целью совершенствования дискуссионных навыков студентов в pro-et-contra-высказываниях с одновременной проверкой уровня их осмысления и понимания основных и сопутствующих дефиниций и богословских понятий;

г) итоговых диспутов (finales), которыми заканчивалось изучение тематического раздела (в философском классе, например, таким разделом была доказательная логика, а в классе богословия – один из богословских трактатов).

Цель – не только проверка качества номинативных знаний студента по изученной теме, но и оценка уровня его эрудиции и аргументационной обоснованности утверждений, а также уверенности в отстаиваемой им позиции и способности к отвлеченно логическим умозаключениям. При проведении этих диспутов присутствовали, как правило, префект (профессор богословия), ректор коллегии и киевский митрополит.

Кроме учебных диспутов, в Киево-Могилянской коллегии ежегодно проводились публичные студенческие диспуты, приуроченные к определенным датам. Начинались они в декабре с рождественских диспутаций, затем следовали публичные диспуты, приуроченные ко дню поминовения митрополита Петра Могилы – основателя Киево-Могилянской коллегии. Впрочем, с 1690 г., т.е. после проведения Московского собора, на котором была осуждена «хлебопоклонная ересь» и преданы анафеме богословские труды Сильвестра Медведева, Семиона Полоцкого и Петра Могилы, проведение диспутов в день поминовения основателя Киево-Могилянской коллегии было приостановлено вплоть до начала 1700-х гг., когда они вновь вошли в презентативную практику Киево-Могилянской коллегии, но уже будучи приуроченными к новогодним празднествам. Кстати, именно содержательная часть публичных студенческих диспутов продолжительное время оставалась беспокойным местом для Московских патриархов, а затем и для Святейшего Синода, который 28 августа 1721 г. особым рескриптом обязал ректора и префекта заранее предоставлять на рассмотрение и утверждение все отпечатанные в типографии Киево-Могилянской коллегии тезисы (или конклюзии) публичных студенческих диспутов, «дабы когда въ таковыхъ конклюзіяхъ благочестію нашему не было издано что противное» (цит. по: [3, с. 267]).

Без студенческих публичных диспутов не обходились и дни храмовых праздников. С наибольшей торжественностью отмечалось Богоявление – великий двунадесятый и храмовый праздник Киевского братского монастыря, при котором в конце XVI в. была открыта братская школа, считавшаяся предтечей Киево-Могилянской коллегии. Поэтому после литургии следовало обязательное выступление учителя риторики с “Oratio defaudibus literarum”, где говорилось о тех высотах в обучении философским и богословским наукам, которых достигали студенты в стенах коллегии, и «возносилась похвала всѣм меценатамъ Академіи какъ умершимъ, такъ и живымъ» (цит. по: [3, с. 325]), а далее, как подтверждение, следовали студенческие диспуты. Публичные диспуты проводились также перед летними вакациями и при посещении Киево-Могилянской коллегии знатными персонами, такими как малороссийские гетманы или же представители царствующей фамилии.

Определенное представление о структуре и методике проведения учебного диспута мы можем составить на основе многочисленных фрагментов трактата “Index cooperationum cum defendentibus et cum oppugnantibus”, представленных в исследованиях, посвященных истории Киевской духовной академии, и у таких авторов, как В.И. Аскоченский [2], митрополит Макарий (М. Булгаков) [7], Д.К. Вишневский [3] и др. Сопоставительный анализ этих фрагментов позволяет нам утверждать то, что проведение всех учебных диспутов осуществлялось по единой универсальной схеме.

1. Перед проведением учебного диспута профессор, читавший курс философии или богословия, составлял список тезисов, которые подлежали к обсуждению во время диспутации, причем количество тезисов варьировалось в сторону увеличения. Для раздела доказательной логики, например, в диспутах initialis предлагалось к рассмотрению четыре тезиса, в диспутах sabbativae – шесть (впрочем, в некоторых случаях для этих двух диспутов студентам разрешалось самим составлять тезисы), в диспутах menstruae – восемь и в диспутах finales – двенадцать, в богословских же диспутах finales количество тезисов могло достигать двадцати и более.

2. Студенты разбивались на группы по четыре человека, из которых один по выбо-

ру профессора назначался дефендентом (от лат. *de-fendo* – «защищать, оборонять»), или пропонентом, а трое других выступали в качестве оппугнантов (от лат. *oppugno* – «нападать, возражать»), или оппонентов. При проведении диспутов initialis студенты сами определялись, кто из них будет выступать в качестве дефендента. Как правило, это делалось с помощью жребия.

3. Дефендент называл главную тему предстоящего диспута и кратко объяснял содержание диспутационных тезисов (иногда это делал профессор богословия).

4. Дефендент произносил первый диспутационный тезис, который был представлен вопросом и ответом на него, состоящим из одного или нескольких утверждений (conclusiones), и приводил доказательства этих утверждений. Если это был богословский диспут, то положения доказывались ссылками на Святое Писание, цитатами из святоотеческих трудов и высказываниями по данному вопросу ученых-богословов. Далее следовало опровержение от одного из оппугнантов, который также, опираясь в своей аргументации на труды Отцов Церкви и трактаты ученых-богословов, а при возможности и на Святое Писание, ставил под сомнение правоту приведенных дефендентом доказательств. На что следовало не менее аргументированное опровержение со стороны дефендента. Далее к спору подключался следующий оппонент. Так продолжалось до тех пор, пока одна из сторон не могла привести аргументированного pro- или contra-высказывания. После этого на диспутирование выносился следующий тезис. По усмотрению профессора при большом количестве диспутационных тезисов роли студентов могли меняться.

5. По окончании диспута происходил разбор дефиниционных и логических ошибок, этических оплошностей, выделялись и обсуждались лучшие высказывания (probabilior sententia), а на следующем занятии проводился обязательный фронтальный опрос студентов, не принимавших непосредственного участия в учебном диспуте. При этом задавались такие вопросы: «Кто какіе аргументы говорилъ, какой кто положилъ имянный фундаментъ своей оппугны, какъ солвовано отъ дефендента или его учителя всякой аргументъ, что позволено, и что не доказано, какая солюція въ дистинкціи последовала, какая оной дистинкціи экспликація и какимъ именно документомъ себе господа дефенденты защищаютъ» [2, с. 166]. Иными словами, в ходе фронтального опроса студентов через вопрос – ответ шел повторный разбор прошедшего учебного диспута как в части процедуры его проведения, так и в части его содержания.

Полный курс обучения в Киево-Могилянской коллегии заканчивался рассудительным диспутом, в котором в качестве оппонентов выступали уже сами учителя. Испытание признавалось пройденным, если студент по итогам рассудительного диспута получал оценку «похвально» или «весьма похвально».

Таким образом, каждый студент, не относившийся к категории тех, кто «прилежности въ ученіи никакой не показалъ» (здесь следует отметить тот факт, что в Киево-Могилянской коллегии отчисления студентов были крайне редки и производились, как правило, по морально-этическим основаниям), за время прохождения полного курса обучения принимал участие как минимум в трехстах восьмидесяти учебных диспутах. Что, безусловно, обеспечивало поступательность процесса освоения и совершенствования в мастерстве владения «мечом веры и разума». Именно так – gladius fidei et intellectus – именовалось искусство ведения состязательного спора у богословов-схоластов. Та же семантика битвы, воинской атрибутики была свойственна и православной традиции: «Вложи словеса своя яко стрѣлы въ усто твое, имиже стрѣлами, избравъ отъ писаній, многія бляди суесловецъ и дерзость поражай, ихже овыя, близбранными оружіи отъ языка побѣждая, ОСТНОМЪ прободай и МЕЧЕМЪ посяцай, овыя же, издалеча пострѣляя СТРѣЛАМИ, сущими отъ чернила» [8, с. 18].

Поэтому не случайны и те сентенции-напутствия, которыми заканчивалось большинство учебных богословских трактатов, составленных наставниками Киево-Могилянской коллегии. В них выражалась одна, но наиболее значимая наставническая идея о том, что, только пройдя через все диспутационные тернии и закалясь в словесных битвах, выпускники коллегии обретают готовность и заслуживают право «сражаться под предвадительствомъ самого Бога, и на пользу Православной Церкви, съ Римлянами, Лютеранами и Кальвинистами» [7, с. 71].

Однако, как ранее было отмечено, Московский патриарх имел диаметрально противоположное мнение о приверженности выпускников Киево-Могилянской коллегии к праотеческим устоям православной веры. Последова-

тельный и непримиримый противник любых проявлений польско-католического прозелитизма, патриарх Иоаким, в свое время настоявший на том, чтобы обучение юного Петра было препоручено дьяку Никите Зотову, а не «наставнику учительному царских чад» и неоднократно уличенному в «латинствующем суемудрии» иеромонаху Симеону Полоцкому, рассматривал Киево-Могилянскую коллегию как временно терпимое зло греко-католической (униатской) пропаганды на юго-западной окраине Московской патриархии.

На это у Московского патриарха имелись определенные основания. Так, в 1689 г. Малороссийский собор, в котором помимо иерархов Киевской митрополии принимали участие и представители Киево-Могилянской коллегии (ректор Феодосий Гугуревич и префект Иосаф Краковский), памятуя о том, что «во святомъ крещенiи российскiя земли посѣти насъ востокъ, а не западъ» [1, с. 289], подтвердил приверженность малороссийского духовенства канонам православной церкви «во всемъ согласишася съ восточною святою Церковiю и святѣйшими четырми патрiархы» [8, с. 145]. О чем Киевский митрополит Гедеон незамедлительно уведомил Московского патриарха в послании от 9 сентября 1689 г., не преминув отметить в заключительной части: «Сицевое убо исповѣданiе, якоже во всѣхъ членахъ святыя православныя вѣры, такожде и въ преизряднейшей тайнѣ святыя евхаристiи отъ совѣсти нашея извѣщающе, якоже всей церкви православной, сице и вашему святѣйшему къ разсужденiю подаемъ архiпастырству, его же архiераршескому благословенiю и премилосердой отеческой милости со всякимъ нашимъ послушническимъ повиновенiемъ всесмиренно себе вручаемъ» [1, с. 290].

Тем не менее ни в 1689 г., ни осенью 1690 г., уже после решения Московского собора о предании анафеме последователей «хлебопоклонной ереси», ни в последующие годы (спустя более трети века, в 1726 г. Святейший Синод вынужден был разбирать дело «О несогласiи Малороссiйской Церкви съ Великорусской въ вопросѣ объ евхаристическомъ пресуществленiи»; причем одним из основных фигурантов этого разбирательства был префект Иосиф Волчанский) содержательных изменений в философском и богословском курсах, преподаваемых в Киево-Могилянской коллегии, не произошло. Киевские богословы по-прежнему продолжали следовать в русле традиций католической теологии, формально-логические основания которой были заложены еще Фомой Аквинским в “Summa Theologiae” и в дальнейшем развиты в трудах экзегетов-католиков, в том числе в богословских трактатах-комментариях к “Summa Theologiae” Бартоломе де Медины, Габриэля Васкеса, Григория Валенского, Франсиско Суареса, Корнелия а Лапиде и др. Именно на труды этих экзегетов-католиков опирались профессора Киево-Могилянской коллегии при составлении курса богословия, особенно в части, касающейся “De processione Spiritus Sancti” (Об исхождении святого духа), “De conceptu virginale” (О непорочном зачатии) и “De sacramentis ecclesiae” (О таинствах церкви), тем самым изначально закладывая в содержание богословского курса концептуальные противоречия с канонами православной церкви.

Последнее, несомненно, послужило одной из причин для появления уже в царской грамоте от 1682 г. «О даровании привилегий Московской академии» пункта, утверждавшего необходимость проведения испытаний в твердости веры для выходцев из «Литовскiя страны и изъ Малые Россiи», потому как «прежде таковiи являются якобы совершенно благочестивые, и по благочестiи ревнители крѣпкiе, а потомъ, егда увѣрятся быти благочестивыми, тогда по малу развратная словеса вѣрѣ нашей всѣвати, и оныя непорочную цѣлость терзати начинаютъ» [5, с. 407], а несколько позже, в феврале 1690 г., стало основанием для принудительной высылки большинства выучеников Киево-Могилянской коллегии из Москвы. Да и в жалованной грамоте от 11 января 1694 г., подписанной Московскими государями, подтверждавшей корпоративные права и свободы, а также определявшей размер казенного жалования ректору, префекту и учителям Киево-Могилянской коллегии, содержалось непременное требование: «А наипаче остерегая того накрѣпко, чтобъ ученiе было благочестивое христiанское, восточнаго исповѣданiя. А отступниковъ, и противниковъ вѣрѣ Нашей Грекоросiйской такъже и еретиковъ, въ помянутые школы недопускать, и прелесть противнаго исповѣданiя, и еретическiя обученiя, весма отсѣкать и искорѣнять» [9, с. 321].

Таким образом, вплоть до 1701 г., т.е. до начала петровской образовательной реформы, отношение верховной власти Московского государства (что светской, что духовной) к Киево-Могилянской коллегии задавалось двойственной позицией. С одной стороны, позиционирование Москвы как третье-

го Рима предполагало последовательное дезавуирование и искоренение каких-либо проявлений инославного прозелитизма в границах Московской патриархии, с другой – стояли сугубо прагматические интересы государственной целесообразности.

В рассматриваемую эпоху высокий уровень образования и образованности не столько соотносился с понятием системности (это произойдет несколько позднее – во второй половине XVIII в.), сколько определялся ранжированной по времени и значимости совокупностью событийных явлений – открытием типографской школы, а затем Заиконоспасского училища, учреждением математической и навигацкой школ в Москве, а позже Морской академии в Санкт-Петербурге (и так вплоть до создания Московского университета). В этом ряду находилась и Киево-Могилянская коллегия, но не по факту учреждения, а по результату обретения.

Созданная по образцу иезуитских коллегий, имевшая уже свою непростую историю, а также традиции, пусть и сформированные под продолжительным воздействием польско-католического прозелитизма, Киево-Могилянская коллегия до начала 1700-х гг. оставалась единственным эффективным воплощением западной модели образования в границах Московского царства. Что и предопределило в конечном итоге проведение в отношении ее консолидированной политики обсервативного оптимума, направленной со стороны духовной власти на ограничение распространения и постоянную цензуру «самотворства» и «новомудростей», преподаваемых в стенах Киево-Могилянской коллегии, при одновременных царственных декларациях благостных ожиданий от учебной деятельности коллегии, «въ которомъ дѣлѣ, можетъ всегда, вящее расти примноженіе хвалы Божіей, а Намъ Великимъ Государемъ Нашему Царскому Величеству, всенародная слава» [9, с. 319–320].

Наряду со «скудостью щедрот», выделяемых из государевой казны и безучастным отношением духовной власти к «сиротству» Киево-Могилянской коллегии, что традиционно отмечалось в отечественной историографии, еще одним следствием проводимой политики являлось то, что система учебных диспутов, так и не выйдя за социокультурные и образовательные границы малороссийского локалитета, тем не менее долгие годы оставалась своеобразной визитной карточкой Киево-Могилянской коллегии. Дело в том, что данная система, основанная на примате католической казуальности, последовательно развиваемой в противопоставлении догмы и скепсиса, была, пожалуй, самым совершенным понятийно-дефиниционным проектом, когда-либо адаптированным к учебному процессу. Однако именно совершенство не только обусловило привлекательность системы учебных диспутов как наиболее эффективного метода обучения, но и определило границы ее распространения.

Будучи порождением схоластической эписистемы, где богословствующий разум в своем противительном самоутверждении стремился к абсолютизированной парадигматике неявных и неизрекаемых истин, учебные диспуты унаследовали свойственную только этой эписистеме напряженно скрупулизированную семантику. Когда каждая дефиниция в своем ранжировании подвергалась публичному верификационному исследованию, а сокровенность приобщения к божественному разбивалась на «молекулы» номинаций, смысловое наполнение которых выверялось и оттачивалось многими поколениями экзегетов-католиков. Что в конечном итоге привело к созданию специфического, свойственного лишь схоластической латыни терминологического аппарата.

Поэтому попытки внесения каких-либо смыслоформирующих изменений в содержательное наполнение учебных диспутов могли привести только к разрушению формально-логических оснований и превращению их жестко парадигматизированной структуры в бессвязный набор взаимно противоречивых постулатов. Более того, в традициях православной экзегетики подобный опыт отсутствовал, впрочем, как не было и «православныхъ символическихъ книгъ», в которых могли быть представлены точные определения «самой природы Православія» [4]. Эпизодические же устремления по созданию оснований для его формирования (в частности, Иерусалимский патриарх Досифей предпринимал неоднократные попытки по розыску и систематизации богословских трудов православных экзегетов) так и не принесли сколько-нибудь значимых результатов.

Таким образом, цельное, без купюр существование системы учебных диспутов как метода обучения было возможным в границах Московского государства лишь в рамочном локалитете, демаркирующем противосто-

яние двух эписистем – Slavia Latinica и Slavia Orthodoxa, каковым и являлись закрепленные за Москвой по Львовскому договору малороссийские территории, где узловым центром социокультурного развития была Киево-Могилянская коллегия. Однако, занимая с начала 1700-х гг. должности «учительных наставников» в Московской славяно-греко-латинской академии, киевские богословы в «деле учительном» непреложно следовали тем традициям, что были заложены еще первооснователями Заиконоспасского училища – братьями Лихудами.

Что же касается самой Киево-Могилянской коллегии, то проблемы проведения учебных диспутов в ней возникли с 50-х годов XVIII в., когда стала проявляться и постепенно усиливаться, несмотря на гневные реляции Киевского митрополита, тенденция самоустранения студентов от участия в учебных диспутах, предпочитавших получать дисциплинарные взыскания, а не заниматься делом, «установленнымъ ради ихъ самихъ пользы» [2, с. 166]. Окончательный отказ от учебных диспутов в Киево-Могилянской коллегии состоялся в конце 60-х – начале 70-х гг. XVIII в. Что было вызвано замещением формально-логического подхода в обучении богословию, а соответственно, и философии, рассматриваемой в то время как ancilla theologiae, на историко-религиозный подход, который был разработан еще Феофаном Прокоповичем и развит наставниками Московской славяно-греко-латинской академии.

Список литературы

1. Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею, для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Ч. 1. Т. 5: Акты, относящиеся к делу о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату (1620–1694 гг.). Киев: губернская тип., 1872.

2. Аскоченский В.И. Киев с древнейшим его училищем Академиею / Сочинения В. Аскоченского. Ч. 1–2. Киев: Университетская тип., 1856. Т. 2.

3. Вишневский Д.К. Киевская Академия в первой половине XVIII столетия (Новые данные, относящиеся к истории этой Академии за указанное время). Киев: Тип. И.И. Горбунова, 1903.

4. Глубоковский Н.Н. Православие по его существу. СПб. [изд. Н.Н. Глубоковского], 1914.

5. Древняяроссийская вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российския касающихся; изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете; издание второе, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологической по возможности приведенное. М.: Тип. Комп. типографич., 1788. Ч. 6.

6. Любимов С. Борьба между представителями великорусскаго и малорусскаго направления в Великороссии в конце XVII и начале XVIII веков // Журнал министерства народного просвещения. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875. Ч. CLXXX. С. 117–152.

7. Макарий [Булгаков Михаил Петрович]. История Киевской академии: сочинение воспитанника ее иеромонаха Макария Булгакова. СПб., 1843.

8. Остен. Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань: Унив. тип., 1865.

9. Памятники, изданные Временною коммисиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев: Лито-типограф. завед. И.К. Вальнера, 1846. Т. 2.

10. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 1: Господство царевны Софии. LXXXVIII. СПб.: Тип. II Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1858.

* * *

1. Arhiv Jugo-Zapadnoj Rossii, izdavaemyj Vremennoju komissieju, dlja razbora drevnih aktov, vysochajshe uchrezhdennoju pri Kievskom, Podol'skom i Volynskom general-gubernatore. Ch. 1. T. 5: Akty, otnosjashhiesja k delu o podchinenii Kievskoj mitropolii Moskovskomu patriarhatu (1620–1694 gg.). Kiev: gubernskaja tip., 1872.

2. Askochenskij V.I. Kiev s drevnejshim ego uchilishhem Akademieju / Sochinenija V. Askochenskogo. Ch. 1–2. Kiev: Universitetskaja tip., 1856. T. 2.

3. Vishnevskij D.K. Kievskaja Akademija v pervoj polovine XVIII stoletija (Novye dannye, otnosjashhiesja k istorii jetoj Akademii za ukazannoe vremja). Kiev: Tip. I.I. Gorbunova, 1903.

4. Glubokovskij N.N. Pravoslavie po ego sushhestvu. SPb., [izd. N.N. Glubokovskogo], 1914.

5. Drevnjajarossijskaja vivliofika, soderzhashhaja v sebe: sobranie drevnostej rossijskih, do istorii, geografii i genealogii rossijskija kasajushhihsja; izdannaja Nikolaem Novikovym, chlenom Vol'nogo Rossijskogo sobranija pri Imperatorskom Moskovskom universitete; izdanie vtoroe, vnov' ispravlennoe, umnozhennoe i v porjadok hronologicheskoj po vozmozh-

nosti privedennoe. M.: Tip. Komp. tipografich., 1788. Ch. 6.

6. Ljubimov S. Bor'ba mezhdu predstaviteljami velikorusskago i malorusskago napravlenija v Velikorossii v konce XVII i nachale XVIII vekov // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija. SPb.: Tip. V.S. Balasheva, 1875. Ch. CLXXX. S. 117–152.

7. Makarij [Bulgakov Mihail Petrovich]. Istorija Kievskoj akademii: sochinenie vospitannika ee ieromonaha Makarija Bulgakova. SPb., 1843.

8. Osten. Pamjatnik russkoj duhovnoj pis'mennosti XVII veka. Kazan': Univ. tip., 1865.

9. Pamjatniki, izdannye Vremennoju kommisieju dlja razbora drevnih aktov, vysochajshe uchrezhdennoju pri Kievskom voennom, Podol'skom i Volynskom general-gubernatore. Kiev: Lito-tipograf. zaved. I.K. Val'nera, 1846. T. 2.

10. Ustrjalov N.G. Istorija carstvovanija Petra Velikogo. T. 1: Gospodstvo carevny Sofii. LXXXVIII. SPb.: Tip. II Otdelenija Sobstv. Ego Imp. Vel. Kanceljarii, 1858.

Dispute as a method of teaching students of Kiev-Mogilyansky Collegium (end of XVII – beginning of XVIII century): historical and didactic analysis

Based on the available historical and factual material, the article deals with the reconstruction of the system of the academic and public disputes as the basic teaching method in the Kiev-Mogilyansky Collegium. Their structure, purpose and methodology are described, the reasons why the system of educational disputes is not widespread in the Moscow State are found out. All the dates are given in the old style; the quotes are given in the original spelling.

Key words: *dispute as a teaching method, academic dispute, public dispute, Kiev-Mogilyansky Collegium.*

(Статья поступила в редакцию 11.09.2017)